

МЫ ВСЕ

В ОТВЕТЕ

В ТБИЛИСИ ПРОХОДИТ ДЕКАДА СПЕКТАКЛЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

В течение десяти дней сцены столичных театров предоставлены лучшим постановкам театральных коллективов Грузии. Среди спектаклей тбилисских театров — такие признанные работы, уже получившие широкое зрительское признание: «И есть музыка» Г. Канчели (режиссер — Р. Стурва) Тбилисского государственного театра оперы и балета имени З. Палиашвили, «Хаки Ацба» (режиссер — Г. Чхендзе) Академического театра имени К. Марджанишвили, «Разлом» (режиссер — Ш. Гагерия) Грузинского ТЮЗа, а также новые спектакли: «Завтра была война» (режиссер — Г. Жордания), поставленная на Малой сцене театра имени Руставели, «Гори, моя звезда» (режиссер — И. Сурмава) русского драматического театра имени А. С. Грибоедова, «Ноша» (режиссер — С. Мрвалишвили) Метехского молодежного театра.

Из этих спектаклей только два — «Хаки Ацба» и «Разлом» непосредственно посвящены революционным событиям. Поставлены же почти одновременно, около семи лет назад, они в какой-то степени опередили время и способ осмысления исторических явлений.

Вместе с тбилисскими театрами в декаде приняли участие городские и районные театры Грузии. В частности, открыл этот смотр лучших работ Телавский драматический театр, показавший в Тбилиси свою недавнюю премьеру «Алале» в постановке главного режиссера театра Александра Кантария. Этот спектакль явился результатом совместной работы театра с писателем Ревазом Иванишвили, проникновенно, с большой любовью и тонким юмором, знанием характеров и быта воспевшим Кахети. Это вторая постановка телавцев по произведениям этого автора, и ее нельзя рассматривать в отрыве от первой — «Голоса родной земли», показанной театром на II Всесоюзном фестивале молодежи спектаклей в Тбилиси. Несмотря на то, что тогда на основании мнения критиков разделились: одни приняли спектакль, другим он показался нарочито этнографическим, — в целом для театра он стал значительным достижением, позволившим раскрыться многим актерским индивидуальностям, блистнуть в передаче народного характера, быта, самого духа Кахети. И новый спектакль, очень созвучный первому и по режиссерской стилистике, и по сочной манере актерской игры, не мог оставить зрителя равнодушным.

Драматургический материал «Алале», тяготеющий

к повествовательности, не насыщенный множеством событий, придан спектаклю, особенно первой его половине, характер зарисовок, живых, ярких, узнаваемых, не претендующих на широту ассоциаций и обобщений и не дающих их. Что интересно, режиссеру удалось в показе этих картин жизни, наполненных реалиями бытности, подняться над бытом. Спектакль этот бытовым никак не назовешь, хотя состоит он из мастерски сыгранных артистами кусочков сельской жизни. Одна сцена яблочного повидла чего стоит! Это целые этюды, разыгранные артистами по всем правилам: мы ощущаем жар от воображаемого костра, лдовый дым, лезущий в глаза, тяжесть деревянной лопатки от налившего повидла, кажется, мы ощущаем даже густоту этого повидла, так и норовящего подгореть... А сцена «чаепития», где так хорошо обыграны стаканы с вином в подстанничках с оглушительно звенящими ложками и чайник, из которого льется вино...

Надо сказать, что зарисовки, сменяющие одна другую, окрашены разной тональностью, режиссеру удается точно передать смену настроений — от бесшабашного веселья и безобидных розыгрышей и тревожным ожиданиям, к драматизму развязки. Он дает нам возможность ощутить неправизмы вмешательства в человеческую жизнь бездушного автоматизма административно-бюрократического мышления, уничтожающего саму эту жизнь.

Интересен этот спектакль живыми характерами, превосходными актерскими работами Венеры Пейкришвили, Зураба Антелава, Эдны Тухашвили, Нази Аравишвили, Марнам Гагашвили, Ноны Хумарашвили...

Особо надо отметить Вену Иантбелидзе, исполнителя центральной роли Алале, который темпераментно, с большим эмоциональным накалом создал образ человека бесполого, непосредственного, полного нестрашенной жизненной энергии. Выходки и выдумки Алале иногда кажутся эксцентричными для его возраста (ведь он уже дед), как, например, буйная сцена катания в садовой тачке старушки — божьего одуванчика. Но мы не можем не испытывать к Алале симпатии, не можем не сожалеть о его случайной нелепой гибели, окрасившей веселую кутерьму сценических событий в трагический тон, напоминавшей, что каждый час нашей жизни может оказаться последним и что с уходом любого из нас, будь то академиком или трактористом, люди, деревня, вся земля что-то безвозвратно

теряют. Наверное, так и можно понять тему этого спектакля.

Еще об одном спектакле, привезенном на декаду в Тбилиси, хотелось бы сказать: это работа режиссера Шота Кобидзе в Зугдидском драматическом театре имени Ш. Дадiani «Югда город спит». Известная пьеса А. Чхадзе, в свое время обобедшая многие театры страны, сейчас уже не кажется столь неожиданной и смелой, как всего несколько лет назад. Но вместе с тем, утратив остроту звучания, пьеса не стала архаичной: увы, проблемы, затронутые в ней, — неразумного хозяйствования и ответственности каждого из нас, — это большие вопросы. И сегодня они ждут своего разрешения с той лишь разницей, что говорится о них уже открыто и с газетных полос, и с экранов телевизоров.

Итак, театр обратился к материалу публицистического характера. Для постановщика спектакля ясно было, что драматургический материал изначально не предполагает углубленных характеристик героев, что сцепление сюжета строится не на психологическом уровне, а на смысловом. Вероятно, поэтому режиссер и не пытался повести актеров по линии поиска острохарактерных черт своих героев. Действующие лица здесь добросовестные носители идеи, хотя, справедливости ради, надо отметить: актеры играют спокойно, без нажима, а что очень важно, нигде не переходят на фальшиво-приподнятый тон, так что если и трудно говорить об исполнительских находках и ярких актерских индивидуальностях, то и не приходится упрекать в безвкусице и наигрыше. Пожалуй, один персонаж — Журналист выделяется: в его решении чувствуется стремление режиссера разнообразить ход действия акранием элементов иронии, почти фарса.

Вообще некоторая снисходительная ироничность по поводу всего происходящего на сцене проскальзывает во всем, она заявлена уже в начале спектакля, когда вместо занавеса мы видим огромный ликующий плакат — панно с оптимистичными лозунгами типа «Вперед, к новым победам» и невероятной рисованной мешаниной разнообразных символов, включая герб, непренные подъемные краны, рабочие маски и еще неведь что, — все это точно подмечено художником Гиви Габисония. Такой занавес явно контрастирует с глухой замкнутостью квартиры главного героя — с черным бархатом обивки стен, с вычурными золочеными рамами огромных картин и зеркала.

В данном случае зеркало — не только предмет убранства интерьера, но и то «оружье», которое «стреляет». В финале герои разворачиваются лицом к зеркалу, и мы видим четкое отражение всех, кто вел беспощадный анализ своих поступков и признал себя виновным во всем происходящем, мы видим в том же зеркале и ряды зрителей, видим нас самих. Что же, все правильно — мы все в ответе.

В. ЦЕРЕТЕЛИ.